

Уважаемое общество "Мемориал".

3

В городе Тана Зет. ССР в 1941 году репрессивными командовали комиссариат города Тана ст. 1-й НК ВХ Туркарев.

В четыре часа утра 14 июня 1941г. в нашу квартиру в городе Тана Зет. ССР ворвались солдаты под руководством офицера. Этот офицер объявил, что он арестован, представил к нему "лишнего" и начал обыск. Все перевернули. Даже стены попортнили прикладами. Офицер дал на сборы двадцать минут и разрешил брать с собой вещи и продуктов не более десяти килограммов на человека. После обыска всех людей везли восточными на уральцу. Улицы загромодили, а квартиру опечатали. Две вещи и шесть стирок погрузили в кузов грузовика и привезли на Туркиевскую железнодорожную ветку военного дорожки, где стоял эшелон из товарных вагонов с решетками и с двух этажей до перехода карамии. Мать и двух ее детей с братом зажали сразу же в какой-то вагон. Отца и мать отпустили и зажали в другой вагон для офицеров Зетонской армии. Находились здесь кроме военных еще и мои родственники человек пять. В пути охраны эшелона репрессированные пытались не обещивали даже воды и то давали мало да редко. Три вещи остались мне кажется, они же в состоянии были накормить такую огромную массу людей горячей пищей. Везде в эшелоне воевал человек, а таких эшелонов - десятки. Ехали медленно, потому что на станциях приходилось стоять долго. До Урала добрали в течение трех недель. В Свердловске нас молодых всех вывели из вагона. Здесь я встретился с отцом навсегда. Зажали нас в вагон какого-то другого эшелона. Люди совершенно чужие, хотя Зетонские. Спустя сорок лет я узнал какая была мать отца. Их отпустили на северной Урал в спецлагерь особого назначения, откуда не возвращались. Остаются только от свирепого, звериного метода массового истребления инакомыслящих и наизмышленных, изобретенного тоталитарным режимом империи зла. Остаются тайной по сей день, кто же позволил нас, молодых узников, из эшелона обрести.

В Орске прошел слух что наши эшелон казарменные задерживали надолго. Однако, из Орска эшелон с несколькими отрядами на станциях Таны нас действительно выгрузили. Солдатские пошла прямо в открытую степь. На следующий день приехали еще эшелон. Появились в хребта и служебные женщины и сварщики. Сказалось, империи нужны были вагоны. Здесь мы получили первое крещение. Ночью было страшно холодно под открытым небом. В дневном люди были одеты легко. Оно и понятно. Везде Прибалтика - как в Орске. К тому же чехи специально везли людей из дома раздетыми. На станциях Таны провели три недели. Здесь молодых парней, навели. Нормали каким-то жиденьким супом, но хлеба Зетонского. Стрельбу заставляли умирать здесь много особенно дети. Хорошие условия редетивших феронцками. И что могли бы сделать родные в таких условиях. Группы бродили в кузов автомашины и увозили в степь. Зарывали тела укрывая где-то в землю как скот без гробов надгробий и крестов. Группы прибавлять удобрений вся земля возле железнодорожной насыпи от Прибалтики до Красноярска, поскольку в каждую едутки из каждого эшелона вытаскивали десятки трупов.

Путь позо на станциях Таны и репрессированные эшелонные могли продолжить путь на восток. В Новосибирске нас зажали прямо на берег.

2

Оби. Здесь нас окружала многошелевная ограда с обгарками служебными. Ждали баржи. Так закончился наш многодневный километровый одесский путь по железной дороге. Впереди водный путь. Дето, что мы того хорошего этого пути нам судить не можем. Но Оби двинулись невольно мёртвыми, хотя, и по течению. Наконец-то г. Колпашино. Здесь я догнал своего мать, брата и сестер. Как-то стало сразу же немного веселее. Мог ли я знать тогда, что смерть совсем близко и уже подстерегает дорожных мне людей. Нам переаживают на малогабаритные баржи, поскольку ехать нам по мелководным рекам до места назначения. Спускались вниз по течению Оби до устья реки Тая и начали плыть против течения по реке Тая до устья реки Бактар. Здесь река Бактар и конец нашему водному пути. В Крыловку приплыли где-то к обеду. Дальше предстоял пеший путь по болотистой тайге до шестой селовки. В Крыловке пришлось нам переночевать, так как охрана не рискнула начать поход так поздно. Утром рано выступили. Охрана вернула обувь, которую и так была в обрез. А темуже нужно было таскать маленьких детей. Собрались все же до места заветного. Еле шли. Ноги устали не только прабираться через тайгу, но их залутили кровожадные комары, которых кругом было тьма-тьмущая. Подобного количества комаров нам не только видеть, но даже слышать не приходилось. От укусов комаров и мошек лица и руки людей опухли, посыпали. Представители районной власти и охрана не поверглись нападкам со стороны комаров, поскольку они имели предохранительные сетки.

В Тарбизский район пос. Соболинка I в поселку признали в сентябре 1941 г. 10 семей эстонцев, всего 26 человек. Литовцев - 8 (?) семей. В пос. Соболинка II - эстонцев 7 семей, всего 18 человек. Литовцев = ? Всего признали в Тарбизский р-н Железной области эстонцев 45 человек. Выжили, выстояли в бесчеловечные условия лагеря, к сожалению не многим. Еда нам никогда не давали. В поселке питались травой без соли (крапива, лебеда, подушка). Ходить в тайгу (400 м от бараков) по грибы, но эгоде запретил командант м. л-нт НКВД Шабалин. Отступку из поселка будем считать как побег и карать расстрелом. От алиментарной дистрофии тела людей покрывались гноями и язвами и они умирали. Особенно дети и пожилые. Одежда из носилка в тряпье. Вместо обуви служили обмотки из тряпья, сена и дерести, которые закручивались к ногам проволокой. После износ тряпья - смерть. Зимой 1942 г. мать моя и сестра скончались от холода и голода. Средемой жертвой насорудби тоталитарного режима среди нас стал молодой эрудированный литовец. В Литве, кажется, занимался он научной работой в каком-то институте. В ссылке они прибавили втроем: он, матеха и младший средний брат. Запомнил его фамилию. На улице мороз 35 градусов ниже нуля, а узники изодралились в кровь ногами вынужден они ходить по снегу. Мать всегда берет гроздь, как только выпеню с каким злорадством полуграмотные коммунисты-фашишки райаппарата, а особенно, так называемые "визитеры" в мушкетере НКВД мобовались на живых трупах в под-

матери.

Сразу же после прибытия жёны репрессированных отпала публичная издательством по воле. По взыску кем-то была возложена обязанность вести к началу. Фальсифицированные документы на мою мать оружье и как зорей: "где золото, деньги". Мать попыталась обдаться, это кроме отрёвья чужие. После этого она стала еще пуще бесноваться "Нам нужна война, чтобы отразить китайск врага, которого вы нестерпимым ждете". В бредовой агитации и издательстве участвовали еще уполномоченный РК (фамилию был всегда хмельной головой кем-то кем-то Стискаленко, друг медика. То ли она была враг то ли - фельдшер, не помню. Этот доктор на- мь о палец не ударил чтобы хоть что-то помочь узнику. Однако, этот душевный и милосердный медик в кавычках мог работать мно- го лет в Бунддорской больнице Цайского района. Сам Стискаленко даже пидий. Возле селения Стискаленко любил всегда играть, хлестая себя по щекам, чтобы, видимо, держаться в форме "радов". Вконец мать моя им надежда и нас выжили. Следующая жертва была литовка, по месту некая Мамылова. Антибригада поте- шалась почти до утра. Тогодней обработке подвергались все селения. Вызывали женщины намеренно с детьми, чтобы они были более подат- ливыми. После тяжелой трудовой ноги, понятное дело, было орга- низовано застолье с выпивкой.

В бараках производились обыски. Особенно после Указа от 1943г. где за хитрые хлебпродуктов полагался расстрел. Все еще искали драгоценностей, деньги. Интересовались, чем же питаются селения. Как-то у одной женщины по фамилии Мисюк нашли несколько горсточек гороха. Ее избили, но мужественная женщина могла. Ее убили и по сей день ни слуху ни духу. Второй раз у ма- тика обнаружили немного сала. Общилось. Просто избили мать-каши и отобрали.

В начале 1945⁵ г. этап - в гор. Тюмень. С прискорбием расстался с литовцами после трехлетней совместной каторги в поселке Содемынка I. Бушевский нарво. В конце 1944г. ст Новосибирской области была отделена северная ее часть (3167 км²) и на данной территории организована Тюменская область. Требовалась большая рабочая сила для строительства, благоустройства в областной центре. Из районов приехали множество сельских районов нацио- нальности (немцы, латыши, литовцы, эстонцы).

Необходимо сообщить, что из эстонки была выслана и София Козлакова. В 1948 она вместе с мужем эмигрировала из России в эстонии от коммунистов-налагей. София Козлакова дочь генерал-губернатора Санкт-Петербурга.

В то время секретарем Тюменского РК ВКП(б) был Левицкий. Начальником РО НКВД м. л-нт Гавришнев.

Районный коммендант спецкомендатур м. л-нт НКВД Кравцев. Поселковом комменданте м. л-нт НКВД Шабалин.

В 1947г. меня арестовали. При аресте в одиночестве были изъяты документы, фотографии друзей-прибалтов, их адреса, которые не возвратили.

С указанием Тюрри Майсте, прожив. по адресу: 636140, Ленинское, Тюменской об- ласти, ул. Шабалин, д. 49^а, кв. 6.

Совету общества, «Мемориал»

Ссылные прикаты в Тюлек на образовательные работы в областном центре, использовались на подсобных и физически тяжелых работах. Копали вручную глубокие канализационные, водоводные и мелкосифонные траншеи. Несмотря на тяжесть труда, работате поощряли в течение всего светового дня без выходов и отпусков. Не соблюдение правил техники безопасности привело к летальным исходам. Так, например, при копке канализационной траншеи по ул. Ленина возле ^{подконтрольной аптеки №1} ~~районной газети~~ ~~«Красное знамя»~~ (в то время находилась на ул. Ленина) произошел обвал грунта в шахте. Канализационно были подкопаны. Грунт уезжалось через шахты при помощи большой бады и подъемника, «Тюлек» (тогда эта была самая мощная техника на стройках). Стенки шахты были укреплены кое-как. И жужо ли были погубе за жизни баджитов и братьев народа. Из-за малосопетности машиниста, «Тюлекера» получил удар по етеске шахта, в следствии чего - обвал. Шахта глубиной около девяти метров наполнилась сыпучим негашеным грунтом сжиги доверху. Лишь через сутки грунт бы удален, но люди уже погубели. Примеров можно привести много. На Кантатаке в карьере некая зимой получилась большой обвал. (в то время песок добывали здесь) Груди песок вручную (тогда не было экскаваторов и автопогрузчиков) и чтобы ускорить процесс погрузки в зимнее время, экзекитора заставляли семейных братьев его подкопом. Песчаная гора большой высоты накрыла много грузчиков и автомашин. После этого несчастного случая стали взрывать канальные трубы. Не ради репрессивных, разумеется, а из-за дефицита профейных грузовиков.

Строительные организации ^{уши} только авальсировали работни. Зарплату или расчет получали только раз, два в год, а то и вовсе нет. Во всем Казахстане обещало только репрессировать. Жаловались в епископатуру и ЦМВХ, что есильные не хотят работать, поэтому и денег нет Совету. Военные, мол, ерне брат Советской власти и заботятся саботажом. Их мало веровало, что на 20-30 рублей авальс в подпольной поселке етеске Тюлек можно было купить малкое, казахское сушеное мясо. Только на закуп 60 граммов мяса по карточке етеске было 20 рублей в месяц. Карточек тогда етеске 280 рублей в год. Кирши мяса - 160 рублей. Кантора, «Помехенора» находилась тогда на ул. Матаекой. В данной организации етеске работами етеске

переселенцев. Назначением было и остается бесправное, пока будет существовать тоталитарная империя в виде союза республик, свободных.

Первым хозяином Томского обкома ВКП(б) стал некий Семин. Этот наместник - самодур Сталина ездит всегда по городу на трофейной машине какого-то наместника Бирюкова рейха, включенной сиренкой с огромной скоростью. После рабочего дня спешно переселенцев гонали на выгрузку углярок на электростанции, так как состава с углем подавали только в ночное время. Гастейко нас не пускали на работу или же домой. Дело в том, что Семин всегда покидал обком в 2-3 часа (обком находился тогда в здании художественного музея). Проходная ТЭЦ-1 была на ул. Нахичевана. В первую очередь вышла охрана и очистила улицы от людей до кинотеатра „Титлер“ (тогда кино там не было). Первым вышел теплоходитель, а потом уже и сам хозяин. Машина стояла на углу против входа в „Титлер“. Со машины шел он пешком. Как только сел, сразу же врубил сиренку и е вошел до дома. Жил он на ул. Крайноварнейской. Теперь там дом мальотки. Во дворе по орна была охрана да еще обчарки. Теплоходителя находилась круглые сутки около хозяина. В 1948 г. хозяину потребовались в кабинете пенные фриззы. Поехали нас с Горбуновым. Его кабинет находился на втором этаже, а сходы в сторону кинотеатра „Титлер“. Нам даже не разрешали затасить строительные материалы. Все сделал за нас кто-то. Хозяин, вероятно, полая террористического акта. Когда мы уезжали ленту по одной стене, нас выгнали из кабинета, чтобы первый секретарь мог смело оценить нашу работу. В 1949 г. Семин перевели в Вологодскую область. Там, как сообщила газета, его назначили директором какой-то школы. Так кончилась карьера этого грязной душой человека. Первым председателем Томского областного обкома был некий Луперт. Но также наместности не дали. В 1947 году этому убитому человеку по сфабрикованным документам МГБ был присвоен, типично врага народа. Так тогда сообщила газета, у него в Америке нашла как-то родня. Составлено законное основание для тоталитарному режиму, чтобы считать в лагере и таконно слязшего.

В 1947 г. меня арестовали и отправили в тюрьму, что находится на ул. Пушкина (тогда Иркутский тракт). Здесь сразу поместили в санпропускник и оказался я вместе с материалами декласифицированными, которые отбирали хлеб, еду, издевались, как могли. Надзиратели не обращали на это никакого внимания. Когда стало совсем невыносимо, питался даже отпор. Тщательно. За драку и дерзость посадили в изолятор. Декласифицированный, разумеется, девиновент. Во время следствия меня обвиняли в скривателе -

стве от спецурета. Следовательно добивался, чтобы я назвал человека у
кого я достал паспорт. Тебе, моя, известно, что спецпереселенцы не имеют
паспорта. Ссылался на подпись нар-ка РОВВ Куровского р-на и на
черговую печать в паспорте. Следовательно не достал я паспорт, а мне
его выдали. Так ты, отпрыск врага народа, едешь клеветать на
геттского фронтавика и нар-ка милиции. Тогда нар-ком, по-новому, был
подполковник Фригорев. В конечном итоге после трехмесячного следствия:
год принудительных работ с вычетом 20% из зарплаты в доход государствену.
Во 1947 года тоталитарный режим вел себя сравнительно тихо
к спецпереселенцам. Последующие годы, однако, интерес к советским
со стороны геттосов, стали расти. Тексты инкриминации по баракам, обще-
житиям, вербовали донощиков, занимались подслушиванием. Позже уже
применяли по ночам к обывкам аресты по сфабрикованным обвинениям.
Семельных обвиняли в антисоветской пропаганде, в клевете, в участии
антисоветских организациях. Бесмыслица! Здесь спецпереселенцы
работу не дали даже вынатыся, как нужно. Последующие арестованные
содержались в камерах в подвале УМБ и в Томской следственной тюрьме
(по ул. Пушкина) по Иркутскому тракту. Некоторые суды военной трибуналы
по статье 58. УК РСФСР. Многими спецпереселенцами у нас были друже-
ские отношения. Общежитий было много, но мест все равно не хватало.
Многие жили еще у частного. Любили собираться вместе, петь, делиться
военными историями. Забыл фамилии почти всех. Расскажу про случаи,
которому много прямые отношения. На перекрестке улиц Мелиты и Беленца
на углу геттоской стороны стоит пятиэтажка. Когда-то здесь была груп-
па старых деревянных и кирпичных двухэтажных домов. Здесь были тоже
общежитий немцев, латышей, литовцев. В доме №9 по ул. Беленца
(пер. Подгорный) было тоже общежитие. Под полом вода. После дождя
даже сверху пола. Спецпереселенцы были рады и такому жилью. В одной
из клетушек жили: я, Хульджэн Хане (жен), Грот (латыш), некий Ал (лат.).
Фамилию уже не помню. К тому времени мы близко познакомились с очень
многими спецпереселенцами Томска. ходили друг к другу в гости. В этом
подвале в другой комнатке появилась новая семья, некий Азатин Петр
Шатович с женой и с двумя свояченицами. Работал в погрузо-разгрузоч-
ной конторе и занимался разгрузкой угларок на ТЭ-1. Скорости
к свояченицам стали показывать геттоские, откорректированные жезлы.
Встретаться стали нам подобно и в общежитиях на ул. Шлишкова №1
(Крестовенская №1), пр. Мелиты (Коммунистическая 15), пер. Школьный
и т.д. Когда нам было невдогад, мы потом похотились. Тексты
содали за спецпереселенцами как тогда. Петр Шатович уступил свою
квартиру текетом для подслушивания и регулярно сообщал им, когда
все мы были в доле. писал доносы: на латыша Грота и других.

знак признательности за услуги, текстом оформили Петру Швабину и его сваяченицаи прописку в г.р. Томске. С такими сроками (двух и выше лет) в Томск прописки не оформлялись. Векорости после "разгрома" спецпереселенцев. Петру Швабину представляли квартиру в той группе домов, которая была выделена для постройки пятиэтажки, где теперь магазин "Белочка". Выдали даточка Фрота по ст. 58 УК РСФСР 10 лет ИТЛ в наказание в правах Блест. В 1957 г. Фрот был реабилитирован и приезжал в Томск. Были и осуждены на 5 лет ИТЛ, на 3 года, на 3 года человек, к всевылку. Печально, что не помню теперь ~~фамилии~~ их фамилии. Фроте берет при вступлении подданные (доносчики, тексты, судьи, особенно, когда они еще ухмыляются). Петр Швабин, правда, отворачивается при вступлении. Арестовали меня при выходе из магазина "Сибирь" по ул. пер. Батюкова. Теперь там книжный магазин. Курьезная и Фрота взяли на стадионе "Сибирь", куда они иногда ходили кататься на коньках. Борани нас не в квартире сознательно, чтобы не отпугивать других. В данное время на месте стадиона "Сибирь" парк. Руководил репрессиями послевоенные годы в Томске полковник М.В. Гороцкий. Выслуживаясь, из кожи лез, чтобы попожше "врагов" арестовать. После отставки органов, партияпарат области устроил Гороцкий в Иркутские № 4 зам. управляющего. Живет он по ул. Тиханова на против гостиницы "Сибирь". Командант спецкомендатуры г. Томска майор Журавлев был принят на предприятие № 16 зам. нач. складского хозяйства. Живет по ул. Советской, № 1. На фронте политрук Журавлев расстрелян бойне в перед строем даже за утеренное белье. Живой свидетель этому эпизоду унтерштурм Сергей Анкин. Потом Анкин Сергей работал в университете мастером. Зам. нач. спецкомендатуры г. Томска был ст. п. ит М.В. Гусев. По поведенческим спецпредельным должны были все своих престарелых родителей или другие неходячих членов семьи привести на коньках в комендатуру на ст.метку. Этот изверг мог безо всякой причины бесноваться, кидаться пинками ног на выльких, особенно на подростков. Командатура находилась в доме № 45 по ул. Р. Люксембург. Трудно приходилось. В то время такой семье. Воды транспорта в Томске тогда не была. Зимой на санках, летом на тележках. После отставки органов Гусеву было предоставлено место в П.О. "Водоканал".

После отставки органов начальник Томской тюрьмы стал на предприятие № 16 зам. начальника охраны. Служил скотом до конца. Начальник уголовного розыска УМВД по П.О. стал на предприятие № 16 начальником режима.

С уважением Гарри Майсте,

прожив по адресу: 636140, Мельниково, Томской области, ул. Школьная, 49, кв. 6.